

Му Цинфэн устало потер виски. Он не успел сделать и шага, как почувствовал под ногой что-то твёрдое, больно впившееся в подошву. Он отставил ногу и при свете фонаря разглядел предмет: это был какой-то узел, должно быть, обронённый только что суетившимся Дэ Шунем.

Он наклонился и поднял находку. Она показалась смутно знакомой — словно тот самый узел «Цветущая слива девяти дворцов», который он в своё время заставил купить Гу Шаобая на храмовой ярмарке. Даже цвета ниток совпадали, разве что к этому узлу была прикреплена бусина из нефрита.

Он повертел её в руках, examined на мгновение и спрятал в грудной карман, не придавая особого значения. Думал, что после банкета просто передаст его любому еврею для возврата хозяину.

Когда Му Цинфэн вернулся во дворец «Мэйшоу», пир подходил к концу. Вдовствующая императрица, не выдержав хмеля, давно удалилась на покой. Император, заметив его возвращение, подозвал к себе и поручил вместе с Ван Сыдао заняться организацией оставшихся двух дней торжеств. Лишь после этого он, опираясь на еврею Ван Си, неуверенно удалился.

Му Цинфэн понимал, что это, по сути, забота Министерства церемоний, и такое поручение Императора было лишь формальностью. Увидев, что большинство чиновников и послов уже разошлись, он тоже поднялся, чтобы отправиться домой. Перед уходом он вспомнил про узел и стал озираться по сторонам, ища подходящего человека.

В этот момент к нему подошёл Ван Сыдао и, сложив руки в жесте приветствия, произнёс:

— Князь, вы уже собрались домой?

Му Цинфэн кивнул:

— Господин Ван, в эти дни вы немало потрудились!

На длинном ухоженном лице Ван Сыдао не читалось ни тени коварства или злобы. Встреть он его на улице, любой незнакомец принял бы его за учителя из частной школы. Но Му Цинфэн знал его слишком хорошо: этот человек был типичным «волком в овечьей шкуре». На словах он был предан государю, а за спиной создавал клики, интриговал и устранял неугодных самыми жестокими методами — преступлений его не счесть!

— Что вы, князь! Я всего лишь занимаю пост премьер-министра, помогаю управлять тремя ведомствами и разделяю заботы Императора — это мой долг. О какой усталости может идти речь?

Ван Сыдао говорил это, подзывая слугу с фонарём осветить путь, и вместе с Му Цинфэном направился к выходу из дворца. Они шли не спеша, обмениваясь пустыми разговорами, и со стороны казались вполне дружелюбными.

Стоило им пройти за Врата Чжэнъян, как у обочины их уже ждала княжеская карета. Му Цинфэн собирался было сесть, как вдруг Ван Сыдао снова заговорил:

— Князь, постойте.

— Да?

Му Цинфэн обернулся, подумав про себя: этот старый лис всю дорогу болтал о ерунде, так что я знал — он что-то скрывает.

— Господин Ван, есть ещё какое-то дело?

На лице Ван Сыдао появилось выражение искренней заботы:

— Князь, ваша поездка на Север была очень тяжёлой, слышал, было немало опасностей. Когда подходили к городу Цзинлин, вы получили ранение в загородном резиденции? Уже поправились?

Му Цинфэн проклинал его тысячу раз в душе, но на лице сохранил тёплую улыбку:

— Спасибо за заботу господина Вана. Это была всего лишь царапина, уже давно зажило.

— Из-за дня рождения Вдовствующей императрицы дел было невпроворот, так и не удалось навестить вас в усадьбе, для меня это большой стыд, — вдруг понизил голос Ван Сыдао. — Чтобы извиниться, я отправил вам скромный подарок, чтобы успокоить вас после пережитого. Думаю, он уже доставлен к вам. Надеюсь, вы примете его с улыбкой!

Му Цинфэн поспешил вежливо отказаться:

— О господин Ван, вы слишком снисходительны. Вы так много трудитесь над государственными делами, а я не могу помочь вам, мне уже стыдно, как я могу ещё принимать подарки?

Ван Сыдао настаивал искренне:

— Князь, не отказывайтесь, это всего лишь мелкий знак внимания.

Му Цинфэн ещё раз поблагодарил его, попрощался и сел в карету.

В тот момент, когда закрылась дверца, его натянутая улыбка застыла на губах, а затем медленно исчезла. Зачем этому старому лису вдруг понадобилось дарить подарок? Неизвестно, что у него на уме.

Ван Сыдао тоже сел в свою карету, где его уже ждал Дуань Яньчэнь. Увидев Ван Сыдао, он слегка поклонился:

— Хозяин, всё сделано! Подарок доставлен, а с Императорской тюрьмой тоже договорились.

Ван Сыдао откинулся на мягкие подушки, закрыл глаза, стараясь скрыть смятение в душе, и мысленно прошептал имя: Биньцзы, Биньцзы...

Му Цинфэн вернулся в резиденцию, и как только вышел из кареты, Чжоу Пин поспешил к нему навстречу:

— Князь, господин Ван прислал подарок.

Му Цинфэн направился во внутренние покои, спросив без интереса:

— Что за подарок?

Чжоу Пин ответил:

— Это двое людей.

Му Цинфэн замер:

— Двое людей?

— Да.

Сменив тяжёлое придворное платье и приняв ванну, он уже подходил к часу ночи.

Чжоу Пин вошёл в комнату, держа в руках тот самый узел с нефритовой бусиной, который Му Цинфэн спрятал в одежде:

— Князь, когда я чистил ваше платье, выпала эта вещь. Похоже, это не принадлежит вам.

Му Цинфэн взял узел, положил его на стол, а затем достал из-под подушки тот самый ярко-красный узел «Цветущая слива девяти дворцов», который он когда-то «купил» у Гу Шаобая за тысячу лян серебра. Он внимательно сравнил их.

Хотя нити на узле Дэ Шуня были дворцового образца — яркие, гладкие и прочные, в отличие от обычных нитей, продаваемых на любом рынке, — техника плетения и узор были одинаковыми. Если присмотреться к деталям, становилось ясно: работа выполнена одним и тем же человеком.

Он потерял переносицу. Но это ничего не доказывало. Вполне возможно, что это сделала какая-нибудь бывшая служанка, выпущенная из дворца, уже находясь там.

— Князь, подарок господина Вана ждёт, когда вы его примете, — Чжоу Пин подал чашку чая, помогающего опохмелиться, и тихо спросил.

Му Цинфэн ответил:

— Пусть войдут.

Чжоу Пин вышел, и вскоре занавеска отодвинулась. В комнату вошли два юноши с абсолютно одинаковыми красивыми лицами.

Едва переступив порог, они одновременно опустились на колени в трёх шагах от Му Цинфэна. Их голоса были чистыми и мелодичными, чрезвычайно приятными слуху:

— Раб приветствует князя!

Му Цинфэн внимательно разглядел братьев-близнецов: алые губы, белые зубы, чёрные брови, большие глаза — во взгляде читался ум и живость ума. Сразу было видно — парни смекалистые.

— Как вас зовут и сколько вам лет?

Один из них вежливо ответил:

— Доложу князю, раба зовут Сяо Юй, а это мой брат Сяо Цай. Нам обоим по семнадцать лет.

Му Цинфэн сделал глоток чая:

— Имена дал господин Ван?

— Да. Господин Ван сказал, что желает князю вечно пребывать в благом настроении и полном сил, поэтому и сменил нам имена на такие.

Му Цинфэн смотрел на их улыбки, в которых чувствовалось подобострастие, выверенное до мелочей. Семнадцать лет — возраст расцвета. Гу Шаобай тоже был семнадцатилетним.

Но он никогда не искал бы расположения таким образом, не заискивал и не льстил. Он лишь сохранял свой врождённый гордый нрав, даже когда сталкивался с притеснениями, предпочитая разбиться вдребезги, чем сгибаться!

— Князь, — голос Сяо Юя стал очень тихим, в нём сквозила отточенная тренировкой соблазнительная нотка. — Не позволите ли рабам помочь вам раздеться и приготовиться ко сну?

Му Цинфэн усмехнулся про себя. Этот старый проказник Ван Сыдао действительно умел найти подход!

Он равнодушно произнёс:

— Не нужно. У меня ещё есть дела. Ступайте. И впредь без моего приказа не смее заходить в мой кабинет и опочивальню.

Чжоу Пин, услышав эти слова за дверью, тут же приказал отвести Сяо Юя и Сяо Цая прочь.

— Князь, какова цель Ван Сыдао? Может, стоит отправить этих братьев подальше? — спросил Чжоу Пин, подливая чай.

— Не нужно, — ответил Му Цинфэн. — Ван Сыдао — старый лис...

— Он, должно быть, почувствовал, что я начал его подозревать. Во-первых, это жест доброй воли, а во-вторых, попытка усыпить мою бдительность... А возможно, он думает, что я наверняка не поверю, будто он осмелится прислать двух шпионов открыто, и сделал всё наоборот — прислал именно двух шпионов...

Он поднял чашку:

— Пусть люди присмотрят за ними, но не обижайте.

Чжоу Пин поклонился.

Увидев, что Му Цинфэн встал и начал раздеваться, он хотел позвать служанку, но снова услышал его вопрос:

— Как успехи с расследованием во дворце?

Чжоу Пин ответил:

— Вечером приходил вестник от евнуха Линя. Он назначил встречу завтра у Восточных ворот. Должно быть, есть какие-то новости.

Чжоу Пин вышел и позвал главную служанку Му Цинфэна, Гэ Цзы.

— Князь, уже слишком поздно, давайте я помогу вам раздеться, — Гэ Цзы видела, что Му Цинфэн держит в руках картину и не может оторвать от неё взгляда уже долгое время, и не выдержала.

Только тогда Му Цинфэн отдал ей свиток. Гэ Цзы аккуратно свернула картину и подумала: «Не понимаю, что в ней такого. Всего лишь жаба! В кабинете в фарфоровой банке полно свитков с рисунками, и каждый из них красивее, но почему князь любит именно эту жабу? Каждый день перед сном смотрит на неё целую вечность!»

И ещё и улыбается, глядя на неё! Не боится, что приснится кошмар!

Обновление! Дорогие мои, если заметите в тексте какие-то несостыковки — закидывайте кирпичами, но только поменьше.

В этой главе практически нет романтики! Дадим маленькому Гу отдохнуть главу, хорошо?

На столе стоял простой завтрак: рисовая каша и соленья.

Му Люнянь зачерпнул ложкой каши, посмотрел на сидящего напротив Фан Цинчи и вспомнил, как прошлой ночью снова слышал, как тот выбрался из дома в темноте. Аппетит сразу же пропал.

<http://bllate.org/book/16730/1538897>